

**СОВЕТСКИЕ
РАЗВЕДЧИКИ**

В КИНО И В ЖИЗНИ

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МГНОВЕНИЕ ВЕСНЫ

**ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
ШТИРЛИЦА**

Советские разведчики в кино и в жизни

Эрвин Ставинский

**Восемнадцатое мгновение весны.
Подлинная история Штирлица**

«Алисторус»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ставинский Э.

Восемнадцатое мгновение весны. Подлинная история Штирлица /
Э. Ставинский — «Алисторус», 2016 — (Советские разведчики в
кино и в жизни)

ISBN 978-5-906861-63-4

Чекист Максим Максимович Исаев, он же Всеволод Владимирович
Владимиров, он же штандартенфюрер СС Штирлиц – кем на самом деле
был этот человек? О трагической судьбе особо ценного агента внешней
разведки НКВД – Вильгельма Лемана (А/201, «Брайтенбах»), настоящего, а не
придуманного Штирлица рассказывает эта книга.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906861-63-4

© Ставинский Э., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Глава 1. Обманутая баронесса	7
Глава 2. Первые контакты с советской разведкой	16
Глава 3. Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эрвин Ставинский

Восемнадцатое мгновение весны.

Подлинная история Штирлица

© Ставинский Э., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Шел победный май 1945 года. Берлин лежал в руинах. В развалины были обращены многие здания на Вильгельмштрассе и Принц-Альбрехтштрассе, где еще недавно размещались различные службы Главного управления имперской безопасности – ГУИБ (немецкая аббревиатура РСХА).

На пепелище одного особняка, где находилась тайная государственная полиция, которой руководил группенфюрер СС Генрих Мюллер, группа офицеров советской разведки и контрразведки искала сохранившиеся документы. Эту специальную команду возглавлял резидент внешней разведки НКГБ полковник Александр Коротков.

В одном из заваленных полусожженными бумагами помещений офицер из группы Короткова подобрал учетную карточку на хауптштурмфюрера СС Вильгельма Лемана, арестованного в декабре 1942 года. В чем обвинялся этот гестаповец и что с ним стало, никаких пометок в карточке, вопреки немецкой пунктуальности, не было...

Оперативному работнику невысокого звания указанная в карточке фамилия ровным счетом ничего не говорила, да и среди руководителей разведки того времени о Лемане знали лишь единицы. Загадочный бланк попал в кипу найденных материалов и был отправлен в Москву.

К сожалению, полковнику Александру Короткову никто не доложил об обнаруженном документе, отчасти проливавшем свет на судьбу антифашиста в эсэсовском мундире, с которым разведчик работал перед войной и чьи следы надеялся отыскать в поверженном Берлине.

Объем и особая важность возложенных на полковника, а затем генерал-майора Короткова после победы Советским правительством ответственных заданий (до своей преждевременной кончины в 1961 году он был одним из руководителей внешней разведки КГБ) были таковы, что все вопросы разведывательной работы, не имевшие чрезвычайной срочности, пришлось отложить на более позднее время.

Найденная учетная карточка арестованного поступила в соответствующее подразделение центрального аппарата НКГБ, где и было установлено, что бесследно исчезнувший хауптштурмфюрер СС Леман был не кем иным, как надежным и проверенным особо ценным агентом советской внешней разведки, известным под псевдонимом А/201 и Брайтенбах.

Привлечение на свою сторону этого человека было большой удачей внешней разведслужбы. На протяжении многих лет он, образно выражаясь, был щитом для советских разведчиков в Германии, оберегавших их от ударов немецких контрразведывательных органов. Он своевременно предупреждал нашу резидентуру в Берлине о выходе немецких контрразведчиков на след ее сотрудников и агентов, о ведущихся оперативных разработках, о готовящихся арестах, в том числе и немецких коммунистов.

Леман информировал московский разведцентр об особенностях обстановки в стране, об истинных планах и намерениях главарей гитлеровского рейха, намеченных политических и военных акциях, закулисной борьбе в нацистской верхушке – словом, обо всем, что держалось правящим режимом в строгом секрете от общественности и дипломатического корпуса, но становилось известным ему по службе. Он передал большой объем информации о военной

промышленности фашистской Германии и производимой ею продукции, о новейших военнотехнических разработках. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны он предупредил резидентуру в Берлине о точной дате и времени наступления германских войск.

Так что же за человек был Вильгельм Леман, этот настоящий, а не придуманный Штирлиц? Что, собственно, побудило его, преуспевающего чиновника берлинской полиции, человека рассудительного и уравновешенного, решиться на столь неординарный шаг, как предложить свои услуги советской разведке?

Почему он, хауптштурмфюрер СС, ответственный чиновник в контрразведывательном отделе тайной государственной полиции, несмотря на постоянный риск и смертельную угрозу, оставался до конца преданным выбранному пути и стойко принял мученическую гибель во имя торжества общечеловеческих идеалов?

Обо всем этом, а также о других приключениях Вильгельма Лемана любители исторической правды могут узнать, прочитав предложенную книгу.

Глава 1. Обманутая баронесса

Как ни странно, Вилли привязался к Эрнсту, хотя Эрнст – хам и настоящий преступник. Его долго не могли ни в чем уличить, настолько он был ловок и хитер. Но на этот раз Кур все-таки попался. На оккупированной немцами территории Польши, куда он выезжал в служебную командировку, был убит некий Вальтер Людерс, исчезли принадлежавшие ему пятнадцать тысяч марок. Вскоре точно установлен убийца. Он чиновник отдела Ia берлинского полицей-президиума Эрнст Кур.

Эрнст пытался оправдаться, мол, дело политическое, покойный сам напал на него по причине политического характера, и ему ничего другого не оставалось, как, обороняясь, застрелить Людерса. Говорил он так, потому что партия в беде его не оставит.

Партия пыталась вызволить его из этой грязной истории. Обвинение настаивало, что убийство совершено из корысти. Эрнста поместили в берлинскую следственную тюрьму, и ему грозило заключение на длительный срок. Из полиции Кура, конечно, уволили.

Однако через несколько недель Вилли узнал, что следствие по делу Кура прекратили, а его самого отпустили на свободу. Кто бы ни заговаривал с Вилли об этом, он упорно отстаивал версию, будто Эрнст оборонялся и убил своего противника во время допроса, когда тот на него набросился и попытался задушить.

По характеру Вилли был проще, тогда как Эрнст, в отличие от несколько медлительного друга, был изворотлив и ловок. Вообще, друзья дополняли друг друга.

Да, они были связаны друг с другом еще с юности, когда их родители были учителями, а Вилли и Эрнст посещали одну и ту же народную школу в Лейпциге. Правда, потом их пути разошлись. Эрнст поступил в реальную гимназию, а Вилли пошел учиться на столяра, а затем добровольцем стал служить на военно-морском флоте.

Сейчас их пути снова скрестились. Они постоянно держались вместе, нередко пускались в скользкие дела и никогда не выдавали друг друга.

Поэтому сейчас, получив известие о друге, Вилли думал о нем с теплотой и нежностью. Они договорились встретиться в Мюнхене, для чего Леман испросил в отделе короткий отпуск.

Через два дня, вечером, Вилли стоял на перроне мюнхенского вокзала и, вытянув шею, обшаривал взглядом вагоны только что прибывшего берлинского поезда. Наконец из купе мягкого вагона показался Эрнст. Выглядел он похудевшим, глаза запали, губы стали еще тоньше, но он улыбался. И это была улыбка сообщника, довольная, уверенная и хитрая. «Неплохо он выглядит, черт возьми, – подумал Вилли, – и это несмотря на тюремные приключения».

– Вот здорово, что ты вернулся! – приветствовал друга Леман. А сам подумал: «И пальто на нем новое, и в мягком вагоне прикатил... Скажи, пожалуйста!».

Эрнст не мешкал, быстро остановил такси, и друзья направились в приличный отель «Кайзергоф». Удивление Вилли нарастало.

– Ну, рассказывай, – торопил он, когда друзья остановились на тротуаре у входа в отель. – Наверное, есть что рассказать.

– Я ужасно скучал по тебе, – громко, стараясь перекрыть уличный шум, ответил Эрнст и хлопнул Вилли по плечу. – Иногда мне так требовалась твоя поддержка, уж очень скверно было на душе.

– Я это знал, но ничего не мог поделать!

Наконец они вошли в отель. Эрнст тут же потребовал хороший номер. Подошел посыльный, взял чемодан, и они не спеша поднялись наверх.

Потом Эрнст открыл чемодан, вынул необходимые вещи и пошел в ванную. Расслабившись в теплой воде, он принялся откровенно рассказывать о своих злоключениях.

– Но как бы гнусно ни оборачивалось дело, – говорил он, – я, в сущности, никогда не сомневался, что все кончится хорошо. Я был уверен, что партия добьется своего. И она меня не подвела.

– Я чего-то не понимаю, – заметил Вилли, – ведь за первого встречного партия не будет вступаться, так?

– Ну конечно, – подтвердил Эрнст, энергично обтираясь мохнатой простыней. – Ну да, у меня есть заслуги и связи. А ты как думал. Я им помогал, когда работал в полиции. Заломон меня в беде не бросит. Теперь мои отношения с Францем стали еще теснее, – хвастался он.

Ужин принесли в номер, и Эрнст начал рассказывать, как он стал своим человеком в нацистской партии и что теперь он надеется жить на ее средства. Отсюда и новое пальто и мягкий вагон.

– И все это время ты скрывал от меня свою связь с нацистами? – удрученно вопрошал Вилли. Но Эрнст лишь хитро улыбался.

Когда речь шла о повседневной жизни, Вилли обычно соображал медленно, и сейчас он с трудом переваривал рассказ друга. «Значит, Эрнсту не только удалось избежать последствий того “мокрого дела”, он даже ухитрился извлечь из него пользу, – думал Вилли. – А мне нечем похвастаться. Как был, так и остался ассистентом в политическом отделе». Эрнст заметил, как омрачилось лицо друга, и довольно бесцеремонно спросил:

– Ну а деньги у тебя водятся?

– Найдутся, – пытаюсь сохранить достоинство, ответил Вилли, – триста марок в месяц полиция мне гарантирует. Кое-что подрабатываю в частном сыске.

Эрнст помолчал и решил переменить тему разговора. Он стал объяснять, почему он приехал в Мюнхен и пригласил сюда Вилли. Оказалось, что завтра на большом партийном собрании в цирке «Кроне» его, возможно, смогут представить руководству и мюнхенским членам партии. Это очень важно, считал он.

– Франц Пфеффер фон Заломан прилетит из Берлина, чтобы самолично представить меня, – похвастался Эрнст, – тебе тоже там надо быть, может, удастся представить и тебя.

Вилли внимательно всматривался в лицо друга и все никак не мог понять, как обычный с виду парень мог добиться столь ощутимых успехов в жизни. А Эрнст между тем зевал и блаженно потягивался, лежа в кровати.

Вернувшись к себе в отель на Румфордштрассе, Вилли долго лежал без сна, размышляя об успехах Эрнста. «А деньги у него есть, это сразу видно, партия не хочет, чтобы он голодал. Только бы все закончилось благополучно», – думал он, прикрывая заботливостью свою зависть к другу.

Эрнст всегда старался устроить себе хорошую жизнь и при этом вечно попадал во всякие истории. Не очень было прилично, когда поднялся шум из-за каких-то роялей, которые Эрнст во время войны вывез из Польши в Германию. Да и теперешние дела друга, эти поручения партии, которые он выполняет, вызывают подозрение. Ведь не ради его прекрасных глаз партия несет такие расходы. Очевидно, его вынуждают заниматься рискованными делами. Может, даже «мокрыми».

Во время последних выборов национал-социалистическая партия заметно укрепила свои позиции. Миллионы немцев поверили, что только она сможет стать силой, способной вывести Германию из тисков экономического кризиса. Они считали, что новому правительству удастся решить острые социальные и внутриполитические проблемы.

Эрнст пожурил друга: быть членом нацистской партии сейчас очень важно. Пожалуй, придется приложить к этому руку. Заметив, что Вилли усмехается, он заверил:

– Уж ты на меня положишься. Твой друг кое-что умеет в этой жизни!

Вилли не возражал, однако недоверчивое выражение не сходило с его лица. Ведь Эрнст при всей его ловкости не смог даже удержаться в полиции, с треском оттуда вылетел, а теперь

намеревается стать высокооплачиваемым политическим агентом. «Вот уж любитель побахвалиться!».

Когда они вошли в битком набитый зал, Вилли, к своему удивлению, убедился, что Эрнст не хвастал. Вилли глазам своим не поверил: Эрнст, этот бывший обер-вахмистр и мелкий полицейский чиновник, сын покойного школьного учителя Игнаца, оказался своим среди собрания нацистской партийной верхушки. Он свободно общался с какими-то бонзами, обменивался мнениями со знакомыми, кому-то кивал, махал рукой. Вилли был просто поражен. Удивление вызывал не только столь большой успех, сколько та уверенность и непринужденность, с которыми Эрнст держался в этой необычной обстановке. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде.

Вилли, зная, что мюнхенский отдел политической полиции внимательно наблюдает за нацистами, решил держаться в сторонке. Не знающие его люди раскланивались с ним, принимая его за одного из партийных бонз. Эрнст же все время суетился и при каждом удобном случае повторял, что сам-то он ничто, просто так сложились обстоятельства, что ему удалось оказать партии кое-какие услуги, но вот его друг – это да! Очень способный человек! Обратите на него внимание.

Наконец появился близкий знакомый Эрнста, которого Вилли прекрасно знал по полицейским сводкам и публикациям в печати, – начальник штаба штурмовых отрядов Франц Пфедфер фон Заломон. Эрнст сразу же подошел к нему, угодливо раскланялся, внося при этом какую-то понятную им интимность, а тот лишь снисходительно улыбался и кивал в ответ.

Франц фон Заломон был небольшого роста, гладкий, холенный, с розовой кожей и склонностью к полноте. Его светлые глазки хитро поглядывали из-за прищуренных век. Одет он был в коричневую форму нацистского руководителя, и она шла ему, делая его полноватую фигуру более подтянутой.

– Значит, вы и есть друг нашего Эрнста, – сказал он, небрежно протянув Вилли мягкую вялую руку и бесцеремонно разглядывая его с ног до головы.

Вилли чувствовал себя неловко, не зная, как ему следует расценивать слова фон Заломона. Несмотря на внешнюю простоту обращения, в нем ощущалась высокомерность и какая-то барская презрительность к окружающим. Он играл здесь одну из первых ролей и сознавал это, как сознавали и все окружающие. От него веяло силой, самоуверенностью и вместе с тем каким-то предвестием беды, и, как ни заманчива была для Вилли мысль о знакомстве с этим человеком, внутренний голос опытного полицейского предостерегал его от сближения.

– Я приехал в Мюнхен по делам партии, – отрывисто заговорил фон Заломон, – но Эрнст просит представить его фюреру. Если вы не против, я готов представить и вас.

Он улыбался, и его светлые глазки весело смотрели в светло-серые глаза Лемана. Вилли спокойно выдерживал этот взгляд. Однако фон Заломона кто-то отвлек, потом все двинулись в круглый зал цирка, и, судя по всему, он быстро забыл о друзьях.

Леман отметил про себя, с какой ловкостью и блеском подает себя партия. Все было в одном стиле: грозные черные свастики на белых кругах посреди кроваво-красных полотнищ, коричневые рубашки, бравурная музыка, крики толпы, затаенные надежды людей, сидящих в ожидании перед наполненными до краев пивными кружками, когда можно будет с воодушевлением прореветь «хайль», приветствуя обожаемого фюрера.

Наконец Гитлер появился, не спеша прошествовал к трибуне, поднялся на нее и с мужественно-замкнутым лицом принял приветствия своих преданных сторонников. Некоторое время он молчал, потом поднял руку, успокаивая возбужденных почитателей, и наконец заговорил. Его натренированный голос заполнил зал и сердца слушателей. Говорить на литературном немецком языке и избегать нарушений основных правил немецкой грамматики ему было трудно. Однако фюрер интуитивно понял, что сейчас неважно, правильно ли построены фразы с точки зрения грамматики и имеют ли они смысл. Важно покорить сердца людей, и тут все зависит от оратора – его позы, подъема, трепета и громовых раскатов голоса. Поэтому он не

очень-то продумывал содержание своей речи. Пока Гитлер говорил, он верил, и вслед за ним верила толпа. Перед глазами замороженной публики он ненавидел, презирал, восхищался, и вслед за ним подобные чувства испытывал весь зал.

Наконец грандиозный спектакль подошел к своему концу, раздались крики, бурные аплодисменты. Все встали, приветствуя своего идола.

После собрания руководители партии направились вместе с фюрером в винный погребок на Барерштрассе. Эрнст крутился у входа, надеясь, что фон Заломон выполнит свое обещание, но тот забыл о друзьях.

Леман проводил друга до гостиницы.

– Почему бы тебе не подняться? Выпьем по маленькой на ночь? – предложил Эрнст. Он устал, был разочарован поведением «своего друга Франца» и поэтому сразу лег в постель. Вилли сидел за столом и маленькими глотками потягивал коньяк.

– Ты такой чудак, Вилли, – начал Эрнст с издевкой. – Если я не займусь твоими делами, чего ты добьешься в полиции? Если друг тебе не поможет, ты так и останешься на бобах со своими знаниями криминалистики.

Он еще долго продолжал рассуждать в таком же духе, пока Вилли, терпеливо его слушавший, в конце концов не выдержал и заявил:

– Да, ты добился успеха, ничего не скажешь, ловко выкрутился из уголовного дела. Быть героем процесса о шантаже, устроить пальбу и завалить человека – не всякий на такие штучки решится. А толку-то! Судя по поведению твоего друга Франца – никакого!

Эрнст демонстративно отвернулся и стал зевать.

– И охота тебе нести эту чушь, Вилли! Хоть тебе и сорок два годка стукнуло, а рассуждаешь ты как школьник. Знаешь, я очень устал. Давай поговорим, когда отдохнем. Спокойной ночи!

«Очень приятно поговорили», – подумал Вилли.

На следующий день, когда друзья снова сидели в номере отеля, Эрнст вернулся к вчерашней теме.

– Давай поговорим о твоём будущем, – заявил он, закуривая сигарету и удобно усаживаясь в кресле. – Расскажи подробнее о своем положении.

– Положение мое не очень завидное. Сажу на картотеке в пятом отделении, получаю около трехсот марок в месяц.

– Понимаю, понимаю, – с глубокомысленным видом заметил Эрнст. – Но триста марок – это только триста марок, особенно на них не погуляешь. – Он встал, хитро блесну карими глазами. – К тому же любовницу надо содержать. Твой покойный папаша, наверное, сказал бы: «Другого такого отпетого лодыря, как Вилли, не найти».

Слушай, Вилли, у меня есть одна идея. Сначала я расскажу тебе об одной женщине, некой баронессе Элизабет фон Грозигк. Эта Грозигк – одна из влиятельнейших берлинских дам, очень богатая, род не менее древний, чем у Гогенцоллернов¹. В ее доме бывает весь берлинский высший свет, она – из немногих аристократок, поддерживающих нацистскую партию. Кстати, именно эта Грозигк и спасла меня в тюрьме: не будь ее, я бы никогда не выпутался бы из этой истории.

Он замолчал, ожидая реакции Вилли, но тот молчал. Тогда Эрнст продолжил:

– И знаешь, когда она первый раз пришла ко мне в тюрьму, меня сразу же осенило: «Эта куколка прямо для Вилли!». Представь себе картину, сажу я в тюрьму, дело идет о моей жизни и смерти. И вот сейчас придет человек, о котором мне сказали: это твой последний шанс. Если и тут не выгорит, тогда тебе крышка. Стою я за решеткой в ожидании посетителя и вдруг вижу: это женщина. Теперь все зависит от меня, как я буду с ней говорить, какое смогу произвести

¹ Гогенцоллерны – династия бранденбургских курфюрстов, прусских королей, германских императоров (1871–1918).

на нее впечатление! Представляешь? Как только я ее увидел – аристократка, шикарная особа, хороша собой, черты лица тонкие, чуть резкие, волосы рыжеватые... Как только я ее увидел, особенно ее глаза, эти беспокойные, манящие глаза, мне тут же пришло в голову: «А ведь она клонет на Вилли!». Клянусь тебе, господь бог ее прямо-таки создал для тебя.

Вилли сидел не шелохнувшись. Он думал, что Эрнст преподнесет ему какой-нибудь деловой проект, позволяющий подработать на стороне, а он, оказывается, всего-навсего предлагает этот вздор, мелет о какой-то аристократке.

С трудом сдерживаясь, Вилли вежливо ответил:

– Очень любезно, приятель, с твоей стороны, что даже в тюрьме ты вспомнил обо мне. И ты, конечно, предлагаешь мне этот план из самых лучших побуждений. Я, видишь ли, не понимаю – прости за откровенность, – как я могу подойти женщине, потомственной аристократке, с мыслью о том, как и сколько я смогу из нее выжать. Уж ты как хочешь!

Эрнст с улыбкой выслушал друга, потом спросил:

– Ты никогда не задумывался, насколько ты похож на своего отца? Он тоже любил разглагольствовать и так же высокопарно. И тем не менее покойный учитель женился на твоей матери только потому, что у нее было приличное приданное, были деньги. Ладно, – вдруг решительно прервал он себя. – Хватит об этом.

Казалось, еще секунда – и Вилли сорвется, ответит ему сочным морским словом, но он сдержал себя и через секунду вполне миролюбиво предложил:

– Ну ладно, давай выкладывай.

Эрнст улыбнулся и приступил к подробному изложению плана. Сначала он описал Элизабет фон Грозигк, эту сверхэлегантную даму, ее светло-рыжие волосы, живые подвижные черты лица и откровенный взгляд. Она очень деятельна. Сейчас у нее новое увлечение – оказывать содействие партии. Описав ее дом, где запросто бывают многие нацистские бонзы, и не только они, но и другие влиятельные люди, Эрнст замолчал.

– А почему ты думаешь, что твоя Грозигк, или как там ее, не только пообещает, но и действительно что-то сделает? – прервал затянувшуюся паузу Вилли.

– Да она непременно попадет в твои сети, голову даю на отсечение, – воскликнул Эрнст. – Уж это я в женщине сразу чувствую, не мальчик, опыт имею. Я наплел ей про тебя, про твои морские скитания, посещение экзотических стран... Тебе ничего особенно не надо делать. Ты больше многозначительно молчи.

– Ты окажешь мне большое одолжение, – с ледяной вежливостью прервал его Вилли, – если прекратишь свои дурацкие шутки. Скажи мне ясно и понятно, что мне нужно делать с твоей Грозигк.

Эрнст с мечтательным видом вынул новую рубашку из стоявшей на столе коробки, погладил рукой шелковую ткань и положил обратно.

– Небольшую сенсацию придется, конечно, придумать. Как ты смотришь на идею создания тайного детективного бюро в интересах партии. Это для начала, а там посмотрим...

– Я не могу на это пойти, – после некоторого раздумья заметил Вилли. – Если все вскроется, у меня будут неприятности по службе.

Эрнст понимал колебания друга и поэтому воздерживался от иронических замечаний.

– Я не хочу уговаривать тебя делать то, что тебе не по нутру, – сказал он. – Но ты пойми, второй такой случай, как эта Грозигк, едва ли представится. Да и на деле ведь никакого бюро не будет.

Вилли не зря раздумывал. Для его отца, скромного учителя, знакомство с именитыми людьми вроде бургомистра или богатого хлеботорговца было пределом желаний. Сам Леман в период войны и Веймарской республики испытывал удовольствие, когда по своим полицейским вопросам имел дело с человеком, которого можно было назвать «барон» или «ваше сия-

тельство». Конечно, он сознавал, что титулы – одна видимость, главное деньги. Все же это была приятная видимость.

Из задумчивости его вывел вкрадчивый голос Эрнста:

– Видишь ли, мой друг, толпе ничего не втолкуешь без рекламы, без обмана. Люди противятся всему, что отклоняется от обычной нормы. Даже фюрер – и тот не пробился бы без пышных слов, без того, что ты сейчас назвал обманом. Прочти внимательно, что он говорил в своей книге о необходимости пропаганды, лжи, обмана. Сколько клятвопреступлений он взял на себя, как унижался! Превозмоги и ты себя, Вилли!

Леману было приятно слушать эти речи. Эрнст верил в то, что говорил, и не притворялся. А разве он не прав? Да, нужно себя пересилить, совратить эту аристократку, переспать с ней и сделать это так, как могут делать это опытные моряки, чтобы взамен она была готова на все, что от нее потребуется.

– А какая выгода тебе, приятель, если я займусь этой баронессой? – спросил Вилли и пристально посмотрел другу в глаза. Эрнст выдержал его взгляд.

– Ты совершенно прав, – спокойно сказал он. – Я делаю тебе это предложение не только из-за нашей дружбы. Я сильно надеюсь, что если мы это дело провернем, то и мне кое-что перепадет. И я убежден, – продолжил он с теплотой в голосе, – что, объединившись, мы достигнем большего, чем если будем действовать порознь.

– Постой, – остановил его Вилли, – пока твои берлинские планы что-нибудь дадут, пройдет немало времени. А я, к сожалению, сижу на мели. Кончились деньги, особенно после этой поездки в Мюнхен.

– Ах ты, дуралей! – ласково отозвался Эрнст. – Деньги у меня есть, а значит, они будут и у тебя!

– Ну и тянул же ты с ответом! – воскликнул Леман.

– Не скоро до тебя доходит. Значит, решено, завтра выезжаем в Берлин и я представлю тебя этой Грозигк. – Он опять взялся за коробку и стал перекидывать из нее белье в чемодан.

– Ну нет, так дело не пойдет, – решительно заявил Вилли. – Бегать за твоей Грозигк? Это меня не устраивает, я уже говорил тебе. Не буду я предлагать себя твоей аристократке, – он стоял перед другом с воинственным видом. – Результат будет тогда, когда она сама явится ко мне!

Эрнст прекратил укладывать белье и уставился на Вилли.

– Тебе не кажется, что это слишком?

Однако Вилли стоял на своем.

– Если это ее заинтересует, как ты утверждаешь, – продолжал он упрямо, – то она явится. А нет, то и жалеть нечего.

«Впрочем, если хорошенько разобраться, – подумал Эрнст, – то в решении Вилли ждать, пока эта Грозигк явится к нему сама, есть смысл. Если играть, то по-крупному. Ведь и фюрер добился успеха только потому, что действовал просто и нагло».

Размышляя над этим, Эрнст все не мог придумать, каким способом заманить баронессу в какой-нибудь берлинский отель. Он сегодня же напишет ей и расскажет о встрече с Гитлером, прибавит о впечатлении, которое они с другом произвели на фюрера. Это ей наверняка должно понравиться.

– Ты прав, – признал он, наконец. – Она должна приехать сама.

На следующее утро друзья прибыли в Берлин. Вилли, не заходя к себе на Кармен-Сильверштрассе, отправился на работу в полицей-президиум.

Потом недели пошли одна за другой. Изредка встречаясь с Эрнстом, Вилли как бы невзначай спрашивал:

– Получил что-нибудь от этой Грозигк?

– Пока нет, – бросал тот мимоходом и куда-то исчезал с озабоченным видом.

Вилли уже начал терять надежду. Но как-то утром, едва проснувшись, он услышал пронзительную трель звонка телефонного аппарата. Звонил Эрнст.

- Баронесса Грозигк хочет тебя видеть, и как можно скорее!
- Что, сейчас? – не разобравшись, спросонья брякнул Вилли.
- Вечером, дурак! Кто сейчас встречается!

Вилли вздрогнул от сладкого предчувствия. Вот судьба, кажется, и вознаграждает его за терпение. «Она ждет твоего звонка. Осторожно! Цель так близка, что сейчас никакая ошибка недопустима. С самого начала этой штучке надо показать, кто кому должен подчиняться!»

- Ты слышишь? – нетерпеливо переспросил Эрнст. – Она ждет твоего звонка.

– Слышу, слышу, не шуми! – пробурчал Вилли. – Только боюсь, что ей придется обождать! – Некоторое время он молчал, потом добавил: – Если этой даме что-нибудь от меня угодно, пусть сама пожалует ко мне, точнее куда-нибудь в отель, Эрнст, потому что не могу же я ее принимать в присутствии Маргарет.

Наступила короткая пауза, а потом Эрнста прорвало:

- Идиот, скотина, в какое положение ты меня ставишь!

Вилли молча положил трубку, но уже через две минуты Эрнст позвонил опять:

– Послушай, Вилли, не валяй дурака. Нельзя же требовать от такой дамы, чтобы она посещала мою конуру.

– А я этого и не требую, – сказал Вилли. – Но ты подумай обо мне. Если я так мало значу для твоей Грозигк, что она даже не хочет потрудиться прийти ко мне в номер отеля, то и вся наша затея ломаного гроша не стоит. Тогда мы остаемся при своих интересах.

Он снова повесил трубку и пошел в спальню за одеждой.

- Кто звонил? – сонным голосом спросила Маргарет и уткнулась головой в подушку.

Вечером к нему на квартиру опять позвонил Эрнст.

– Она придет, – буркнул, с раздражением. – Завтра пораньше сними номер в нашем отеле и приведи там все в порядок.

На следующий день, в начале двенадцатого, баронесса Элизабет фон Грозигк в сопровождении Эрнста впорхнула в его номер. Вилли, одетый в свободную темную куртку, сдержанно ее приветствовал. Элизабет оказалась элегантной рыжеватой дамой лет тридцати пяти, с вздернутым носиком, ярко накрашенными тонкими губами и светлыми бегающими глазками.

С непринужденной любезностью Вилли поднялся из своего кресла навстречу баронессе.

– Я счастлива видеть вас, – произнесла баронесса. Голос у нее был громкий, с резким северогерманским акцентом. – Господин Эрнст так много о вас рассказывал...

Ее светлые глаза уже осмотрели номер, перепрыгивая с предмета на предмет и нигде долго не задерживаясь.

– Мне очень повезло, что я имею возможность сравнивать мои представления с оригиналом, – продолжала она. – Надеюсь, вас не смущает, что я так бесцеремонно все тут разглядываю?

– Вы спасли моего друга, – со сдержанной вежливостью ответил Вилли, – и я вам за это глубоко признателен.

– Значит, вы меня терпите здесь только ради вашего друга? – кокетливо отозвалась она, видимо ожидая какой-нибудь галантности. Но Вилли промолчал, и пауза затягивалась.

– Я понимаю, – первой не выдержала баронесса. – По тому, что мне рассказывал Эрнст, я могу себе составить некоторое представление о вашем мирозерцании. Я подготовлена к этому также идеологией национал-социалистической партии. В вашем присутствии я испытываю то же чувство, что и в присутствии фюрера. – Она замолчала.

Молчал и Вилли, продолжая смотреть на нее твердым немигающим взглядом. В сущности, это был не его тип женщины, но она была неплохо сложена, и мысль о том, что она, баро-

несса фон Грозигк, родовита и занимает высокое положение в обществе, тешила его самолюбие. В остальном он в себе не сомневался.

Баронесса смущалась под его взглядом, волновалась и явно чувствовала себя не в своей тарелке.

– Вы правы, – наконец заговорил Вилли. – Нужно понять друг друга. А для этого и та, и другая сторона должна проявить к этому готовность.

– В готовности с моей стороны вы можете не сомневаться, – живо отозвалась баронесса. – У меня она появилась с первой минуты, как только я вас увидела.

Все развивалось по намеченному плану, и, когда под конец баронесса робко и кокетливо осведомилась, сможет ли опять она увидеться с Вилли, он, сохраняя достоинство и выдержку, ответил ей «да».

Они любезно попрощались и вместе с Эрнстом вышли.

Под вечер Эрнст вновь встретился с Вилли, чтобы обсудить, как действовать дальше.

– Ты должен довести баронессу до того, чтобы она сама заговорила с тобой о деньгах, – рассуждал Эрнст. – А когда она заговорит, ты делай вид, что в деньгах ты сущий профан, и посоветуй ей обратиться ко мне. Главное, чтобы не ты поднял вопрос о деньгах, а она. И тогда дело будет в шляпе.

Два дня спустя Вилли ужинал с баронессой в ресторане гостиницы. Грозигк щебетала о схожести образов Вилли и фюрера. Она говорила о великой задаче, которая ожидает партию. Она говорила и говорила... За фруктами и сыром Вилли признался, что никогда еще призыв верно служить партии не звучал так искренне, как из уст госпожи Элизабет. При этом он смотрел ей в глаза пристальным, настойчивым взглядом.

Решающая минута настала, когда они перешли в салон пить кофе. Вилли продолжал настойчиво смотреть ей в глаза, а в голове все крутилась одна и та же мысль: «Когда же эта дура наконец заговорит о деньгах!».

И наконец она заговорила.

– Я понимаю, – сказала она, – если вы решитесь открыть в Берлине то предприятие, о котором мне столько говорил Эрнст, это будет связано с материальными трудностями. Может быть, вы позволите в этом деле немного помочь вам? Я была бы счастлива это сделать.

Следуя наказам Эрнста, Вилли ответил уклончиво:

– Меня не интересует финансовая сторона дела. Для меня существует единственная область – профессиональная деятельность, в которой я, как криминалист, знаю толк.

– Да, да, я знаю, – смешалась баронесса и покраснела, как девушка. – Мне не следовало и заговаривать с вами об этом. Мы все обсудим с Эрнстом! – добавила она с улыбкой.

Румянец был ей к лицу, и Вилли решил несколько разрядить ситуацию.

– Вероятно, это не случайность, – задумчиво произнес он, – что интересы партии и ваши нас объединяют. Таковы все немцы! Идеал для них, как говорит фюрер, воплощен в женском образе.

Она была совершенно счастлива, и он чувствовал, что, прикоснись он к ней сейчас, и она растает. И он не против был бы это сделать, но это в данный момент было бы неразумным. Нужно было еще немного ее разжечь. Поэтому Вилли довольствовался лишь тем, что, целуя ей на прощанье руку, опять проникновенно посмотрел ей в глаза. А потом он отправился к Флорентине...

Через несколько дней Вилли решил, что время для того, чтобы скрепить союз с партией и ее представительницей, Элизабет фон Грозигк, настало. Во время следующей встречи, проходившей в номере гостиницы, его взор недвусмысленно скользил по округлым формам баронессы. Наконец, он нежно взял ее за руку и медленно провел ладонью до плеча. Элизабет почувствовала дрожь во всем теле и попросилась на минуту в ванную. Там она быстро привела себя в порядок и подождала, пока прекратится дрожь в ногах.

Потом баронесса выключила свет и открыла дверь в комнату. Глаза ее какое-то время привыкали к темноте, потом она разглядела, что Вилли стоит у постели голый, спиной к ней. Не отходя от кровати, он медленно повернулся. Сначала она увидела его глаза и белые зубы в улыбке. Потом ее глаза опустились ниже, и она почувствовала, как у нее опять задрожали ноги и пересохло во рту. Элизабет медленно подошла к нему, не подымая глаз, завороченная его мужской силой.

Он нежно снял с плеч бретельки черной нижней сорочки и аккуратно положил Элизабет на постель. Она молчала, лишь мелкая дрожь пробегала по ее телу. Он начал нежно целовать ее в грудь, мягко поглаживая рукой между ногами. Потом, просунув руки под ее ягодицы, подтянул ее к себе и начал осторожно входить в нее.

– Я боюсь, – вдруг пролепетала она.

Он не отвечал и не торопился. Как только она напрягалась в ожидании боли, он возвращался назад, не прекращая медленные покачивания.

Она ожидала боли, ей казалось, что она не способна настолько раскрыться, чтобы принять его, но уже через какие-то мгновения почувствовала, что вобрала его целиком и что ее переполняют новые необычные ощущения.

Теперь уже она сама, охватив Вилли руками, крепко прижалась к нему всем телом, и ее бедра сначала осторожно, а потом все быстрее и быстрее, по мере того как захватывала ее страсть, стали двигаться в такт с его телом...

Через несколько дней на имя Эрнста Кура в филиал Баварского союзного банка в Берлине была переведена приличная сумма денег. Получив свою долю, Вилли приобрел за городом дачный домик и небольшую парусную лодку. Теперь в свободное время он мог путешествовать по озеру и впадающим в него рекам, с улыбкой вспоминая Элизабет.

Они встречались недолго. В начале 1928 года из-за своего вздорного характера Эрнст испортил свои отношения с Францем Пфедфером Заломоном. Этим воспользовались завистники из «Коричневого дома» – штаб-квартиры нацистов в Мюнхене, – пустившие слух, будто Эрнст выдает партийные секреты полиции. Позже начальник службы безопасности партии Гайдрих найдет изменника. Им окажется криминал-секретарь городского отдела полиции Иозеф Майзингер, который потом долго будет отрабатывать свои грехи. Но это будет позже. А сейчас Эрнсту пришлось срочно прятаться, опасаясь мести фон Заломона. Его спасло то обстоятельство, что у самого начальника штаба штурмовиков возникли разногласия с Гитлером и ему пришлось покинуть свой пост.

К этому времени Вилли прервал свои отношения с Элизабет фон Грозигк, объяснив пылкой даме, что уезжает в командировку на границу с Польшей и свяжется с ней, когда вернется, чего он, конечно, не сделал.

Эрнст остался в Берлине без работы и без денег, и теперь Вилли приходилось его периодически субсидировать. Долго так продолжаться не могло, и друзья мучительно искали выход из положения...

Глава 2. Первые контакты с советской разведкой

В дождливый мартовский день 1929 года Павел Корнель, оперативный сотрудник берлинской легальной резидентуры, после бессонной ночи решил прилечь на кушетке в дежурной комнате консульского отдела, попросив коменданта разбудить его в шестнадцать ноль-ноль. Однако тот поднял Павла раньше: стрелки на светящемся циферблате его часов показывали без пяти минут три после полудня.

– Товарищ консул... а, товарищ консул! Тут пришел один... Миронов приказал провести к вам...

– Зажги свет! – приказал Павел, мысленно выругавшись: могли бы разобраться и без него. Васильев зажег верхний свет и, повернувшись к Павлу, доложил:

– Пришел прямо к дежурному по посольству. Зачем – толком не говорит, требует встречи с руководством... У нас языка толком никто не знает, а он по-русски не говорит. Может, прикидывается! Миронов приказал...

Павел, привстав, выпростал ноги из-под пледа, протирая глаза, уселся на кушетке. Васильев, рыжий детина, стоял перед ним, роняя капли воды с темного намокшего плаща. Быстро надев пиджак, наскоро причесавшись, Павел направился в комнату для приема иностранцев.

Яркая люстра хорошо освещала большую просторную комнату. У самых дверей он увидел невысокого плотного мужчину лет сорока пяти в намокшем плаще, нервно теребившего в руках шляпу; из-под плаща виднелись мятые брюки и выдавшие виды башмаки.

– Пройдите к столу! – сказал Павел. – Кто вы такой?

Незнакомец подошел, рассматривая консула настороженно-сосредоточенным взглядом небольших, глубоко посаженных глаз. Лицо у него было круглое, темновато-красное. Бросались в глаза почти лысая голова, оттопыренные уши и длинный прямой нос. В его взгляде, в выражении уставшего, с плотно сжатыми тонкими губами рта чувствовалось какое-то напряжение и, как показалось Павлу, внутреннее недоверие и настороженность.

– Кто вы такой? – повторил Павел.

– Пусть он выйдет, – глуховатым голосом на берлинском диалекте произнес мужчина, указывая взглядом на Васильева.

– Пойди посмотри, что там на улице, и жди меня в дежурной! – сказал Павел Васильеву.

Шумно вздохнув, комендант, чтобы затянуть пребывание в теплой комнате, поправил стоящие в стороне стулья и не торопясь вышел. Павел тем временем пододвинул стул, сел и выжидающе посмотрел на мужчину.

– Ну, что же вы молчите?

– Меня зовут Эрнст Кур, – произнес он тихо, с такой интонацией, будто это имя и фамилия могли что-нибудь сказать или же вообще все объясняли. – Прошу сообщить вашему начальству, что я нахожусь здесь.

– Ишь ты! – Павел не смог удержать улыбки. – Ну и что же будет дальше?

– Дальше вас не касается. Руководство все решит само.

– Кто это руководство? Кто конкретно вам нужен?

– Руководство гепеу.

Он замолчал. Перестав улыбаться, Павел удивленно посмотрел на посетителя. Тот сидел за приставным столиком, поглядывая настороженно и отчужденно, руки его иногда мелко вздрагивали. Плащ он небрежно бросил на спинку стула.

Павел собрался было спросить, есть ли у него с собой документы, но воздержался, подумав, что ознакомиться с документами еще успеет. Поглядывая на Павла холодно и отчужденно, немец молчал.

– Что, так и будем сидеть и молчать?

– Вы должны сейчас же доложить руководству, что я нахожусь здесь, – упрямо повторил он.

– Я никому ничего не должен, – сказал Павел раздраженно. – И пока вы не объясните, кто вы и откуда, я ничего делать не буду!

Немец продолжал молчать. После продолжительной паузы, напряженно подумав, он сквозь зубы выдавил:

– Я из полицей-президиума Берлина. Я писал об этом в письме.

– Из полицей-президиума? – Павел не поверил. – Чем вы можете доказать, что вы работаете в полицей-президиуме? И о каком письме вы говорите?

– Я ничего вам не буду доказывать. Вы должны сейчас же сообщить обо мне руководству! Письмо я бросал в почтовый ящик посольства.

Павел некоторое время разглядывал его и размышлял. Фамилия Кур ему ровным счетом ничего не говорила, но, может быть, руководство резидентуры его знало или знало что-то о его письме: за время работы в разведке он привык ничему не удивляться.

Вид у посетителя был не ахти какой, однако держался он довольно независимо, говорил уверенно: даже не просил, а требовал. Угрюмый, сосредоточенный, он производил весьма странное впечатление, и его утверждение, будто он чиновник полиции, казалось явной ложью.

Понятно, Павел не собирался сообщать о нем непосредственно резиденту, но доложить своему куратору было его прямой обязанностью. Он подумал, что они займутся посетителем и сами выяснят, что к чему.

Оставив немца в приемной, он вышел в соседний кабинет и вызвал по внутреннему телефону резидентуру.

– Вас слушают, – услышал он голос шифровальщика Виктор Маслова.

– Виктор, это Корнель беспокоит. У меня здесь посетитель. Он требует встречи с руководством.

– Не знаю, где сейчас Смирнов, а шеф на совещании у посла!

– Ты можешь его вызвать?

– Не могу и не хочу! – ответил Маслов запальчиво. – Что ты ко мне с пустяками лезешь! У меня сейчас сеанс связи, а ты позови того, позови этого! Что я тебе мальчишка, что ли!

– Как я понял... – Павел на мгновение замаялся. – Он говорит, что он...

Но Маслов уже положил трубку. И Павел бросил свою, злясь на посетителя и еще больше на Маслова. Но, подумав несколько минут, он вновь вызвал Маслова.

– Это опять Корнель, прошу меня выслушать, – твердо заявил Павел. – Я опять по поводу посетителя. Он настаивает на встрече с руководством!

– Откуда он его знает? – спросил Маслов устало.

– Он не говорит. Я считаю нужным доложить о нем шефу!

– Если считаешь, что нужно, докладывай сам, – с каким-то безразличием сказал Маслов. – Ты вообще считаешь возможным лезть к начальству со всякой ерундой. Я лично не вижу оснований беспокоить руководство, тем более во время совещания. Несolidно!

– Так ты советуешь мне самому позвонить в приемную полпреда?

– Я тебе ничего не советую, и ты меня не впутывай.

Павел соединился с секретарем полномочного представителя Пчелинцевой и сообщил, что у него в приемной консульского отдела находится посетитель и что он настаивает, чтобы о нем сообщили Ефиму Соломоновичу.

– Ясно, – прервала его Пчелинцева. – Подождите. Я сейчас доложу.

Минуты через две резко и требовательно зазвонил телефон.

– Корнель? Добрый день, Павел Иванович! – Павел узнал низкий, глуховатый голос Гольденштейна. – Что у вас там стряслось?

– Пришел посетитель. Настаивает на встрече с вами, Ефим Соломонович.

– Понятно! Слушай внимательно! Попроси всех наших удалиться, чтобы его не видели. Создай все условия, дай ему бумагу и ручку. Пусть пока напишет, что он хочет сообщить. В общем, создай ему условия и пока не трогай его расспросами. Я освобожусь минут через тридцать-сорок. Понял?

– Так точно! – по привычке быстро ответил Павел, и резидент положил трубку.

Корнель вернулся в комнату приемов.

– Чаю хотите? – спросил он у немца.

– Потом, – ответил тот.

Тогда Павел положил перед ним на стол бумагу, перо, пододвинул чернильницу и попросил изложить свои данные, а также то, что он хотел бы довести до сведения руководства. Выглянув из кабинета, он крикнул Васильеву, чтобы тот приготовил чаю.

Между тем немец начал что-то писать; пальцы у него были короткими с плохо обрешенными ногтями. Время от времени он останавливался, нервно покусывал губы, думал и снова принимался писать.

Через минут тридцать, как и обещал, в комнату быстро вошел резидент – невысокий, коренастый, с волнистой рыжеватой шевелюрой. Подойдя к столу он, бегло взглянув на посетителя, взял исписанный им лист бумаги, стоя быстро его прочитал и, сев на место Павла, сказал:

– Так, значит, вы Эрнст Кур! Бывший сотрудник контрразведывательного отделения, или, как вы называете «абвера», полицай-президиума! Интересно! Что вы хотели? И почему именно со мной хотите беседовать? – его голубые, с сероватым оттенком глаза требовательно уставились на немца.

– Мои друзья знают вас, – отрывисто начал Кур. – Они знают, что вы руководитель, поэтому я решил обратиться именно к вам! – он остановился, ожидая реакции Гольденштейна.

– Так, так, говорите! Я вас внимательно слушаю, – подтолкнул его резидент, подвижное лицо которого с прямым носом и выпуклым лбом оставалось невозмутимым.

– Я хочу предложить вам свои услуги как бывший полицейский чиновник! Естественно, за плату!

– Вы что, сейчас без работы?

– Да, уже несколько лет как я уволился из полицай-президиума. Не поладил с руководством! Сейчас перебиваюсь случайными заработками, да иногда помогают старые друзья.

– Понятно. Чем вы можете помочь нам?

– Я думаю, мог бы наводить справки на интересующих вас лиц, при необходимости мог бы вести разработки. Все, что смогу, все буду делать.

– Ну а подробнее что можете о себе рассказать? – спросил Гольденштейн.

– Извольте. В полиции с 1904 года. Поступил в Берлине, служил в Данциге, Эссене, потом опять вернулся в Берлин. Последние годы был в контрразведывательном отделении полицай-президиума Берлина в чине криминал-обервахмистра². За служебный проступок был уволен без права на пенсию. Стал перебиваться случайными заработками, – он замолчал.

– И что было дальше?

– Я всегда любил живопись, – продолжил Кур. – Хотел стать художником. Но средств на обучение живописи не было, поэтому пришлось стать простым маляром. Красил крыши. Потом друзья из полиции подсказали, что у вас, в посольстве, можно получить работу.

– Кем же, маляром? – улыбнулся Гольденштейн.

– Нет, зачем, думаю, вам лучше использовать мой опыт полицейского, – Кур замолчал и, прищурясь, выжидательно смотрел на резидента.

– А вы могли бы возобновить контакты с вашими прежними сослуживцами? – подключился к беседе Павел.

² Высший чин унтер-офицерского состава криминальной полиции.

– Думаю, что мог бы. Они охотно со мной болтают, главное только умело направить разговор в нужное русло.

– Ну хорошо! – Гольденштейн на минуту задумался, видимо размышляя над решением, потом сказал: – Сейчас я не могу вам ничего обещать. Нам нужно подумать, посоветоваться. Сделаем так: через неделю он, – резидент кивнул головой на Павла, – позвонит вам и укажет место, где вы сможете встретиться и все обговорить. А пока – до свидания, всего доброго и... спасибо за предложение! – он встал и крепко пожал немцу руку.

Кур явно не ожидал такого окончания разговора. Он растерянно посмотрел вокруг себя, видимо не решаясь расставаться с людьми, от которых ожидал большего.

– Павел Иванович! Проводи гостя! – предложил Гольденштейн.

Павел взял плащ немца и жестом руки показал ему в сторону двери. Кур молча надел плащ и вышел.

Когда Павел вернулся, Гольденштейн, потирая маленькие пухловатые руки, расхаживал по кабинету.

– Ты извини, у вас перекусить чего-нибудь не найдется? – спросил он.

Корнель быстро достал приготовленные Васильевым для немца бутерброды, налил в стакан чаю. Пока резидент ел, он, присев сбоку, стал рассказывать о том, что им было проделано за последнее время, а потом остановился на визите Кура. Гольденштейн слушал, изредка задавал уточняющие вопросы, его красивое лицо оставалось спокойным. Лишь когда речь пошла о необычном посетителе, он оживился и попросил все повторить в подробностях.

Гольденштейн – оперативный псевдоним «Доктор», он же «Александр» – был тем самым человеком, чье мнение и чьи советы в процессе разведывательной работы, без сомнения, интересовали Корнеля, впрочем, как и других оперативников. Член РСДРП с 1900 года, Гольденштейн был одним из самых опытных и заслуженных работников Иностранного отдела ОГПУ. До перевода в Германию он много лет проработал на Балканах и Ближнем Востоке и в настоящее время, помимо резидентуры в Германии, руководил из Берлина работой агентурных сетей во Франции и Англии, не забывая при этом своих старых знакомых на Ближнем Востоке. Резидентура в Берлине поддерживала строго конспиративную связь с руководством Германской коммунистической партии и помогала ему материально.

«Доктор» обладал редкостным талантом делать правильные выводы из минимума данных. Осмысливая факты, он нередко по какой-нибудь частности приходил к весьма неожиданному умозаключению и, как правило, не ошибался. Поэтому Павел обстоятельно, до мелочей изложил ему все, в том числе и свои сомнения относительно версии посетителя, и, закончив, приготовился внимательно слушать.

Тем временем Гольденштейн, доев бутерброд, закурил. Наконец он заговорил, как всегда тихо и неторопливо.

– Да, возможно, посетитель провокатор. Настораживает то обстоятельство, что он настаивал на встрече именно со мной.

– И вел он себя необычно, – заметил Корнель. – Как-то уж очень развязно и цинично.

– А может, сильно нервничал? Он действительно давно мог сидеть без работы и поэтому проявлял такую настойчивость, – тихо и неторопливо рассуждал Гольденштейн. – М-да, есть над чем подумать...

Излагая информацию, он, по обыкновению, все время ставил под сомнение каждый сообщаемый факт и свои предложения и требовал такого же критического отношения от тех, кто его слушал. Он не любил бездумного поддакивания, его правилом было: подчиненные должны откровенно и независимо высказывать свои соображения, спорить и противоречить. За два года совместной работы Корнель отлично усвоил эту манеру обсуждения и ценил ее эффективность.

– Этим делом, Павел Иванович, придется заняться тебе, – сказал Гольденштейн. – Эрнста Кура надо проверить. Подключи друзей³, дай задание нашему источнику в полицей-президиуме, может быть, он сможет что-нибудь узнать. Если ничего настораживающего не добудешь, вытягивай Кура в город. Для начала попроси собрать данные на кого-либо из известных нам лиц. В качестве аванса выдай ему марок сто, не больше. Регулярно докладывай мне и Смирнову, как будут идти дела. А сейчас пойдем в резидентуру – уже вечер!

– Понятно, Ефим Соломонович! – Павел стал торопливо собирать со стола бумаги.

В последние дни Корнель при содействии Дмитрия Смирнова, а также через других сотрудников стал осторожно наводить справки о Куре.

Время летело стремительно. Как-то утром, в сентябре, около десяти часов, когда Павел еще не начал прием иностранцев в консульском отделе, зазвонил телефон. Корнель поднял трубку.

– Павел Иванович! – Павел узнал голос Смирнова. – Быстренько подымись наверх! Тебя хочет видеть Ефим Соломонович.

– Есть. Иду! – Павел машинально поправил узел галстука, бегло взглянул на себя в зеркало, на ходу бросив секретарю, что его вызывает начальство, и устремился по переходу в главное здание представительства.

Постучав предварительно в дверь, он вошел в просторный кабинет. Гольденштейн, как обычно, сидел за пустым столом. В коллективе уже все знали, что ему готова замена – в конце октября должен прибыть новый резидент Самсонов, ветеран ВЧК и Иностранного отдела. Гольденштейн, по существу, уже готовился к передаче дел. В своих сорок пять лет он решил связать судьбу с молодой женщиной, и в последнее время все замечали, что «Доктор» устал и хочет уйти на покой. Он несколько раз подымал вопрос о своей замене, но только теперь, осенью 1929 года, ему наконец разрешили вернуться в Москву. Начальник Иностранного отдела Триллиссер собирался назначить его своим помощником.

– Добрый день, Павел Иванович! – приветствовал резидент Корнеля, и по тону его голоса, по выражению лица Павел понял, что Доктор с утра пребывает в хорошем настроении. – Как самочувствие?

– Спасибо, самочувствие хорошее, – ответил Павел, чувствуя внутреннее облегчение от того, что возможного нагоняя, как это часто бывает при общении с начальством, сегодня не будет.

– Я пригласил вас вот зачем, – сразу перешел к делу Гольденштейн. – Из Центра пришла телеграмма. – Он поднял трубку и набрал номер шифровальщика. – Виктор, принеси телеграмму по А/70!

А потом вновь обратился к Корнелю.

– Напомни, что мы писали в Москву по источнику А/70 и его связям.

– Мы сообщали, – не спеша начал Павел, – что консульство посетил бывший чиновник политического отдела полицей-президиума Берлина Эрнст Кур и предложил нам свои услуги. По соображениям конспирации мы присвоили ему номер А/70 и приступили к его изучению. Через источник в полицей-президиуме «Папаша» нам удалось выяснить, что А/70 действительно являлся в прошлом чиновником пятого контрразведывательного отделения полицей-президиума. Одно время он был доверенным лицом начальника штаба штурмовых отрядов нацистской партии Франца Пфеффера фон Заломона и выполнял его личные поручения. Во время пребывания в командировке в Польше совершил уголовное преступление, находился под следствием, но при содействии нацистов дело было замято. За этот проступок А/70 из полиции уволен. В настоящее время объект с нацистами связи не поддерживает. Ему не доверяют, считая, что он выдавал секреты партии полиции.

³ Так на разведывательном жаргоне называли коммунистов.

– Как объясняет все происшедшее сам А/70? – спросил резидент.

– Он говорит, что произошло для него стечение обстоятельств: арестованный умер в камере сам по себе, но Кур не смог доказать свою невиновность. Выручили нацисты. Сотрудничать он с ними стал, потому что хотел заработать.

– А как на счет передачи информации в полицию?

– Этот факт он начисто отрицает. Считает, что его оболгали завистники из «Коричневого дома», поскольку он стал пользоваться доверием фон Заломона.

– Ну хорошо, – кивнул «Доктор», – пошли дальше!

– В процессе разработки связей А/70, – продолжил Павел, – и освещения деятельности контрразведывательного отделения полицей-президиума мы установили подходящего объекта в окружении А/70. После предварительной проверки этого объекта...

– Так, что удалось о нем узнать, – прервал Павла резидент.

– Мы сообщили его данные: Вильгельм Леман, возраст 45 лет, проживает по адресу Кармен-Сильверштрассе, 21, в двухкомнатной квартире, женат, имеет домашний телефон. Источник А/26 сообщил: Леман имеет ранг криминал-ассистента, занимает должность секретаря по картотеке в комнате 67 полицей-президиума. Среди коллег считается работником средних способностей и не особенного прилежания, любит задаваться, считая себя лучше их, но выдвигаться не смог. По месту жительства известен как комиссар криминальной полиции и очень любит, когда его так величают. Товарищи по службе полагают, что он человек без определенных политических взглядов. Мы присвоили ему номер А/201.

– Так, понятно... – резидент задумался.

Дверь кабинета неожиданно отворилась, и шифровальщик Маслов вошел в помещение. Все замолчали.

– Принес телеграмму? – спросил его «Доктор».

– Так точно... – Маслов, сделав несколько быстрых шагов, оказался между сидевшим за приставным столиком Смирновым и Гольденштейном. Открыв свою известную всей резидентуре черную папку, он достал из нее телеграмму и положил ее на стол перед резидентом. Потом, отступив на шаг в сторону, он застыл в ожидании дальнейших указаний.

– Продолжай, Павел Иванович! – сказал резидент и кивнул Маслову головой, давая понять, что тот свободен.

Подождав, пока Маслов вышел, Павел продолжил свой доклад:

– После того как была получена информация в отношении А/201, мы рекомендовали А/70 попытаться осторожно вовлечь А/201 в работу с нами. В результате последний дал согласие сотрудничать с нами...

– Какие еще материалы передал нам за это время А/70? – опять прервал Павла резидент.

– Летом от него получены подробные данные о структуре полицей-президиума, его политического отдела с указанием фамилий руководителей, а также информация, которую он добыл из бесед с отставными полицейскими Вулем и Шуленбергом. Затем А/70 проводил по нашему заданию установки, представил информацию об организации, которая используется военной контрразведкой для разработки наших учреждений в Берлине.

– Понятно, продолжайте!

– Очень ценно то обстоятельство, что А/201 связан с бывшим чиновником политической полиции Новаковским, который в настоящее время работает на военную контрразведку, с чиновником отдела Ia политической полиции Рау, который занимается выявлением подпольных радиостанций, и сотрудником военной контрразведки Лизиним. А/201 согласился информировать нас о всех заданиях, которые будут поступать от Рау через Новаковского, что для нас сейчас очень важно.

– С этой почтой мы что-нибудь будем посылать от А/201? – спросил Смирнов, молчаливо сидевший за столом.

– А/201 передал нам копию доклада руководителя компартии Германии, который был направлен во все районные парторганизации, – объяснил Павел.

– Как он его получил, – сразу насторожился резидент, – вы выясняли?

– Выясняли, Ефим Соломонович! Со слов А. 201, ему случайно удалось ознакомиться с этим документом, когда папка с перепиской возвращалась от начальника отделения в регистратуру и находилась среди других бумаг, ожидающих отправки в канцелярию отдела. В ближайшее время агент надеется установить источник информации полиции в руководстве местного комитета коммунистической партии.

Павел закончил свой доклад и устался на своих начальников.

– Не забудьте сразу же проинформировать друзей и источник А/75, – обратился Гольденштейн к Смирнову, имея в виду руководство компартии Германии. – А теперь, Павел Иванович, ознакомьтесь с телеграммой из Центра. Дело взято под контроль руководством разведки.

Павел взял протянутый резидентом исписанный мелким аккуратным почерком бланк шифротелеграммы с литером «совершенно секретно» и прочитал:

«07.09.29 Берлин, тов. Захару.

Совершенно секретно.

Ваш новый А/201 нас очень заинтересовал. Судя по материалам, которые мы получили, источник может развиваться в очень ценного агента. Единственное наше опасение – это то, что вы забрались в одно из наиболее опасных для нас мест, где при малейшей неосторожности со стороны источников может случиться много бед.

Считаем необходимым проработать вопрос о специальном способе связи с А/201.

Алексей».

Оперативный псевдоним «Алексей» принадлежал начальнику Иностранного отдела ОГПУ Трилиссеру⁴.

– Прошу быть внимательным и тщательно готовьте документы в Центр, – сказал Павлу Гольденштейн. – Без согласования с Москвой никаких мероприятий по А. 201 не проводить! – это уже был приказ.

Немного помолчав и дав тем самым Павлу возможность осознать услышанное, резидент уже менее строгим голосом продолжил:

– Вот так, Павел. Тебе надо лично встретиться с А/201 и договориться об условиях связи. Я думаю, что работать с ним нужно через нелегалов. Создадим группу «Бом». Нелегала «Бом» ты знаешь?

– Ну как же можно не знать Альберта Такке? – усмехнулся Павел.

– Вот и отлично. Твоя задача: встретиться с А/70 и А/201 и объяснить им, что впредь они будут работать так: А/201 добывает материалы и передает их А/70, а тот, в свою очередь, доставляет их Бому. Бом – как решит Центр: или будет передавать нашему связнику, или по своим каналам передаст материалы в Центр. Это общая схема. Тебе нужно продумать все детали и обсудить их с источником. Вопросы ко мне есть?

– Все понятно! – Павел поднялся и вышел из кабинета.

⁴ Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883–1937) был начальником Иностранного отдела ОГПУ с 1922 по 1929 г. В 1929 г. одновременно становится заместителем председателя ОГПУ. В 1937 г., работая в Исполкоме Коминтерна, был арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Глава 3. Павел Корнель, оперативный псевдоним Жан

Дежурный по посольству позвонил Павлу на квартиру в половине восьмого утра и передал указание Смирнова: явиться к девяти часам. Это означало, что Павла хочет видеть новый резидент Николай Самсонов, оперативный псевдоним «Семен», заменивший «Доктора» в ноябре прошлого года.

В служебном кабинете Самсонов был один. Судя по отсутствию дежурной машины на площадке перед зданием диппредставительства, Смирнов куда-то уехал. Павел несколько раз присутствовал на совещаниях, которые Самсонов проводил в резидентуре, мимолетно разговаривал с ним во время летучек у постпреда, но обсуждать с резидентом оперативные вопросы наедине ему еще не приходилось. Он уже наслышался разного о Самсонове от коллег и Смирнова. Резидент представлялся ему человеком во многих отношениях необычным. «Голова в разведывательных делах», – не раз говорил о резиденте Смирнов.

Голова-то голова, но не без странностей. Так, Самсонов любил разъезжать по Берлину в ярко-голубом автомобиле и забывал менять на нем номера пред встречей с ценными агентами. Павел ожидал услышать от Семена что-то мудреное и даже опасался, сумеет ли быстро ухватить главное из того, что скажет резидент.

Однако Самсонов, статный человек, с умным высоколобым лицом, держался на удивление просто и высказывал вполне понятные мысли. Задание, которое он сегодня решил обсудить, касалось проведения встречи с двумя источниками – А/70 и А/201.

Дело в том, что между нелегалом Бомом и А/70 возникли серьезные трения. Бом, требовательный к себе, подходил с такими же мерками и к источникам, с которыми работал. На этой почве между ним и А/70 стал развиваться конфликт. Эрнсту, этому «свободному художнику» и любителю импровизаций, не нравилось, что «Бом» часто читал ему нудные нотации. Дело закончилось тем, что Москва отозвала «Бома», и вот теперь, в связи с прибытием нового нелегала, Павлу предстояло обсудить с друзьями все технические вопросы сотрудничества. Дело знакомое.

Самсонов заканчивал инструктаж, когда открылась дверь и в кабинет быстро вошел полпред Крестинский⁵, невысокий, подвижный, с типичной для ленинской гвардии внешностью – очки, усы, бородка. Глава диппредставительства вырос перед Павлом, и тот непроизвольно вскочил:

– 3-з-дравствуйте...

– Здравствуйте. Откуда вы? – отрывисто спросил Крестинский, вглядываясь в Павла острым, пронзительным взглядом.

– Консул Корнель из группы Смирнова, – поспешил на помощь Павлу Самсонов. – В консульском отделе уже пятый месяц. Самый молодой из нашего коллектива. Толковый сотрудник.

– Толковый сотрудник, – не улыбаясь повторил Крестинский и, повернувшись к Самсонову, быстро заговорил: – Николай Георгиевич, ходят упорные слухи, что нынешнее коалиционное правительство готовится уйти в отставку и у власти будет кабинет Брюннинга⁶. Нынешняя ситуация в наших отношениях с Германией тупиковая... – Самсонов кивнул Павлу головой, давая понять, что тот свободен. Корнель вышел и осторожно прикрыл за собой дверь.

⁵ Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) – советский партийный и государственный деятель. С 1918 г. нарком финансов РСФСР. В 1921–1929 гг. полпред в Германии. С 1930 г. заместитель и 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁶ Брюннинг Генрих (1885–1970) – германский рейхсканцлер в 1930–1932 гг. Представитель католической партии «Центр». После прихода к власти Гитлера эмигрировал в 1934 г. в США.

До этого только раз в жизни, в прошлой командировке, Павлу пришлось беседовать и пожимать руку полпреду. Тот был пожилой человек и, хотя он старался держаться бодро, руку пожимал вяло. Крестинский, судя по всему, был другим человеком.

Воодушевленный, желая как можно лучше справиться с порученным заданием, Корнель отправился к себе, на ходу обдумывая детали предстоящей операции.

Тихим апрельским вечером, когда лица прохожих смутно угадывались в неярком свете уличных фонарей, Павел, убедившись в отсутствии за собой слежки, прибыл в обусловленное место – небольшое малолюдное кафе. Кивнув кельнеру, он прошел в угол и сел так, чтобы иметь возможность наблюдать за входящими посетителями.

Через несколько минут в кафе появился Эрнст Кур в сопровождении немца среднего роста, коренастого, плотного, с тяжелым, разделенным ямочкой подбородком. Увидев Павла, Эрнст улыбнулся, отчего его угрюмое лицо подобрело, и направился со своим спутником к его столу. Павел встал и пожал друзьям руки.

Дождавшись, когда кельнер принес пиво и отошел, Павел стал интересоваться, что нового у друзей произошло за истекшее время. Отвечал Кур не спеша, обстоятельно, поглядывая на друга, как бы ожидая от него подтверждение своим словам. Леман больше молчал, изредка кивал в знак согласия головой, охотно улыбался. Сидел он в расслабленной позе, положив одну руку на стол, но, когда Павел обратился непосредственно к нему, он сразу подобрался, сосредоточился и начал отвечать коротко, ясно и по существу.

– Недавно у нас в отделении проанализировали все эпизоды советского промышленного шпионажа, – начал он, спокойно глядя Павлу в глаза. – За прошедший год количество случаев шпионажа возросло с трехсот до тысячи. По этой причине руководство отдела приняло решение о создании в составе нашего отделения специальной группы для борьбы с промышленным шпионажем. К работе группа еще не приступила, поскольку пока не могут подобрать подходящих чиновников, – он замолчал и отхлебнул пиво.

– Вчера криминальрат⁷ Шефлер, заместитель начальника отдела Дильса, проводил в нашем отделении совещание. Шефлер потребовал, чтобы чиновники нашего отделения завели связи в иностранных посольствах для получения сведений на сотрудников, которые занимаются разведывательной деятельностью. Каждый чиновник обязан разрабатывать несколько иностранных представителей из подготовленного списка. Мне поручили разработку советского посольства...

Леман замолчал, ожидая реакции Корнеля, но тот оставался невозмутимым.

– Помимо этого, – продолжил Леман, – мне поручено готовить обобщенные доклады по материалам других чиновников в части, касающейся разработки иностранных представителей.

– Мы сможем получать копии этих документов? – спросил Павел, на этот раз не скрывая своей заинтересованности.

– Надеюсь, я смогу их получать, – ответил Леман и улыбнулся.

Павел подумал, что улыбка у него приятная. Выждав некоторое время и окинув взглядом друзей, медленно, со всей внушительностью, на которую был способен, Павел произнес:

– Наше руководство выражает вам благодарность за то, что вы делаете для нас! Мы надемся на вас.

Леман кивнул в знак согласия. По выражению его округлого лица чувствовалось, что слова Павла его глубоко тронули.

– Я хочу еще обсудить с вами следующее, – обратился Павел к друзьям. – Наше руководство считает, что встречаться вам, – Павел посмотрел на Кура, – лично со мной опасно, поскольку я работаю в официальном советском представительстве и меня многие могут знать

⁷ Криминальрат – советник уголовной полиции (должностное звание старших чиновников)

в лицо. В ближайшее время познакомлю вас с другим человеком. К нашему посольству он отношения не имеет. Схема связи останется прежней. Следующий раз, Эрнст, встречаемся, как обычно, через неделю.

Они расплатились за пиво и направились к выходу. Кур отлучился в туалет и Леман, посмотрев вокруг и убедившись, что его никто не слышит, подошел к Павлу вплотную и быстро проговорил:

– Мне стало известно, что Эрнст получает у вас какие-то дополнительные деньги и вообще довольно часто говорит с вами о деньгах. Поэтому я решил воспользоваться случаем, чтобы сказать: я лично к этим денежным делам не имею никакого отношения и вообще все это не одобряю! Я знаю, что у вас с деньгами негусто.

Подошел Кур, и Леман прекратил разговор. «Интересно, – подумал Павел, – чем это А/201 так обеспокоен?».

Сейчас, сидя на жесткой скамейке трамвая по пути в посольство, Павел уже в который раз мысленно возвращался к деталям прошедшей встречи. «Вполне очевидно, – думал он, – что этот разговор у гардероба возник неслучайно. Леман давно ждал подходящего случая. Жаль, что не было возможности сразу во всем разобраться. Теперь придется ждать подходящего момента».

Он не сомневался, что между А/70 и А/201 на почве денег возникли какие-то трения. Павел представил, сколько будет у начальства вопросов, после того как он обо всем доложит, а потом за них возьмется Центр, «Никуда не денешься, – подумал он, выходя на своей остановке, – придется разбираться».

Леман мучительно пытался сосредоточиться: нужно было продумать, как провести допрос одного из членов группы Штефена, в ходе которого он, Вилли, попытается в завуалированной форме предупредить остальных подпольщиков о возможном провале. Сделать это как обычно, через куратора из нелегальной резидентуры, он уже не успевал. Времени было в обрез, и Вилли решил на авантюрный вариант. А случилось вот что.

Сегодня утром Леман попросился на прием к начальнику отделения Вильгельму Абдту и был быстро принят. Первое, что он увидел, войдя в кабинет, – огромный письменный стол, заваленный сообщениями агентурных источников, доверенных лиц, документами из других отделений, сводками постов радиоперехвата, и маленького полного криминальсекретаря⁸ Абдта, едва видневшегося за всей этой горой папок и документов.

– Не желаете ли присесть, мой дорогой? – добродушно улыбаясь, спросил шеф. – Что у вас нового?

Леман остался стоять и официальным тоном заявил:

– Господин Абдт! Прошу привлечь меня к расследованиям! Работа на картотеке важная, но она не занимает много времени. Мне не хотелось бы оставаться в стороне, когда я вижу, как загружены мои коллеги!

Начальник отделения явно удивился. Достав из кармашка монокль, он вставил его в глазницу и строго взглянул на Лемана.

– Ну-ну, мой дорогой, вы, видимо, сегодня не в духе, не так ли? Что за блоха вас укусила?

Он вышел из-за стола, взял Вилли под руку, подвел к креслу, стоявшему у круглого столика в углу кабинета, и усадил его. Сам же плюхнулся в другое, стоявшее напротив, достал портсигар и протянул его Леману.

– Ну-ну, сначала давайте покурим, а потом вы расскажете мне о своих идеях, – произнес он.

Они закурили и Леман, разыгрывая волнение, стал высказывать шефу все, что у него «накипело в душе»: он хочет выполнять свой долг и не в состоянии больше злоупотреблять доб-

⁸ Криминальсекретарь – секретарь уголовной полиции (должностное звание чиновников среднего звена)

рым отношением к нему руководства, отсиживать на картотеке, тогда как другие чиновники перегружены делами по советскому шпионажу. Он просит разрешения тоже подключиться к расследованиям.

Абдт слушал его молча, покачивал головой и откашливался. Он с уважением относился к этому уже немолодому криминальассистенту: толковый, опытный работник, побольше бы таких. Тогда работа политической полиции была бы намного успешнее, исчезли бы коррупция, пьянство и бесполезное времяпрепровождение!

– Ну, мой дорогой! – воскликнул Абдт, хлопнул Вилли по плечу, вскочил и начал энергично мерить шагами кабинет. – Ваша просьба о повышении вашей служебной занятости делает вам честь!

Абдт пробежался из угла в угол кабинета и остановился перед Леманом.

– Посмотрите на это! – он ткнул пальцем в сторону бумаг на своем столе. – Взгляните на вещи моими глазами! Ведь я ежедневно получаю такую кучу документов. И большинство из них не соответствует действительности. Это либо слухи, либо просто ложь! Вы думаете, мне не хочется заняться живым делом, вырваться в город, пообщаться с людьми?

Абдт замолчал и какое-то время молча ходил из угла в угол. Потом он направился к столу, уселся за него и официальным тоном произнес:

– Ваша просьба, криминальассистент Леман, о привлечении вас к расследованиям по делам экономического шпионажа мною удовлетворяется. Отдаю вам приказ – приступить к расследованию дела коммунистического профсоюзного лидера Эриха Штеффена и его группы. Все понятно?

– Так точно, господин Абдт! – Леман вытянулся, а потом повернулся и направился к двери.

– Минуточку, Леман! – остановил его Абдт. – Вы не забыли, что за вами остается советское посольство. Как там идут дела?

– Некоторые успехи уже достигнуты, господин криминальсекретарь, – доложил Леман. К этому вопросу он готовился, и доложить ему было о чем. – Мною завербован некий Тукубеков, который, как мы зафиксировали, дважды встречался в городе с советским консулом. Одновременно к сотрудничеству привлечен другой кандидат, некий Идрисси, который посещал советское представительство. На квартире у них проведены обыски, и после очной ставки они сознались, что сотрудничают с русскими. Через этих двух агентов я планирую вести активную разработку советского консула, а также само представительство.

– Хорошо! – одобрительно улыбнулся Абдт. – Держите меня в курсе событий! – он энергично кивнул, давая понять, что Леман свободен.

«А неплохо придумали русские, – размышлял Леман, – теперь можно морочить Абдту голову с этими агентами, а заодно представлять их как свои успехи. Надо только умело дозировать правду и ложь. Что касается Абдта, то, что бы ни случилось, важно его успокаивать, толковать, что все идет хорошо».

«Да, как быстро все меняется. Не успели сработаться с сотрудником из посольства, как нас передали другому. Признаться честно, не нравился он мне. Уж не из прусских ли он офицеров, похожие повадки. А Эрнст, так тот просто бесился от его постоянных нотаций. Но теперь, кажется, у нас будет очень симпатичный человек. Русские правильно сделали, что прекратили нашу связь с сотрудником посольства. Случай с Тукумбековым и Идрисси это подтвердил. Хорошо, что вовремя приняли меры»...

Но сейчас нужно было немедленно предупредить Штеффена, и Леман помчался по адресу одного из членов группы профсоюзного лидера. Войдя в подъезд, он стал стремительно подниматься по лестнице. Жажда, сухость во рту напомнили, что несколько дней назад у него в моче опять был обнаружен сахар. Врач прописал диету, более того, предложил лечь в больницу, чтобы пройти курс лечения. Леман пока отказался. Чувствовал он себя неплохо, строго

следовал рекомендациям врача и ложиться в стационар не хотел: нужно было кому-то присматривать за женой, тяжело заболевшей и неспособной обходиться без посторонней помощи.

Наконец Вилли нажал кнопку звонка у входной двери. Но уже через несколько секунд обнаружил, что перепутал двери и звонит не в ту квартиру. Он тут же бросился к двери под номером девять и уже не отнимал палец от кнопки звонка.

Дверь долго не открывали. Наконец в коридоре зажегся свет, послышались легкие шаги, щелкнул в замке ключ и дверь слегка приоткрылась.

– Что... что вам нужно? – дрожащим от страха голосом спросила невысокая красивая женщина, одетая в длинный халат.

– Полиция, – нетерпеливо ответил Леман, распахнул дверь и буквально ворвался в квартиру. «Чертovski красивая женщина, – мелькнуло у него в голове, – неужели она тоже занимается шпионажем».

– Мы арестовали Карла Динстбаха, – сразу взял он быка за рога. Услышав это, женщина побледнела. – Где ваш муж? Я намерен произвести у вас обыск!

– Не знаю, с утра ушел куда-то по своим делам, ответила она, настороженно посматривая на Вилли. «Значит, я на верном пути, – подумал он. – Главное, чтобы они успели принять меры».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.